

Михаил Александрович
Бочаров

Время всеобщего очарования и разочарований

Это было время всеобщего очарования новыми идеями и друг другом. Время разочарований пришло позже и для многих оказалось очень болезненным.

БУТЭК не ТЭК, но дело выгодное

БУТЭК, как и многое в России, родился в ресторане. Я — директор Бутовского комбината строительных материалов, директор ПМК-15 из Щербинки Сергей Моркосов и один из руководителей Жилсоцбанка Игорь Антонов обсуждали перспективы аренды в СССР. Я за пять часов исписал две пачки салфеток. Собеседники были мои большие друзья и блестящие специалисты. Игорь всю свою жизнь (сейчас его уже, увы, нет) был банкиром, Сергей — очень опытный и успешный промышленник. Именно они первыми могли достойно оценить важность моего сообщения. Произошло это в конце 1987 — начале 1988 года.

Чрезвычайно важно мне было услышать отзыв Игоря о финансовой стороне проекта, т. к. финансами я никогда не занимался. Меня всегда интересовало чистое производство. Мнение руководителя Жилсоцбанка было важно еще и потому, что комбинат наш стоял на обслуживании в этом банке.

В основе проекта была идея уйти от крепостничества в промышленности: взять предприятия, многие из которых в то время были убыточные, в аренду и платить государству за нее больше, чем раньше платили налогов.

Огромную помощь в подготовке проекта мне оказал профессор Рутгайзер из Института экономики при Госплане СССР.

В результате нам удалось уже в 1988 году впервые ввести на нашем комбинате форму коллективной аренды предприятия трудовым коллективом. Это положило начало широкому развитию арендного движения в стране и привлекло к нему внимание средств массовой информации. Его стали именовать «символ перестройки».

На комбинат повадились высокие гости. Дважды приезжал чрезвычайно влиятельный тогда еще член Политбюро Егор Кузьмич Лигачев.

Нашему примеру вскоре последовало более тысячи предприятий, которые, объединившись, составили концерн БУТЭК. И благодаря ему они

М. А. Бочаров

смогли выйти из-под опеки отраслевых министерств и обрести большую хозяйственную самостоятельность. В 1989 году я стал президентом концерна.

В концерне работало порядка миллиона человек! В России, Армении, Грузии, на Украине и т. д. Мы проводили громадное количество семина-

М. А. Бочаров

1968–1977

Инженер, заместитель начальника управления, заместитель генерального директора объединения Норильскгазпром

1977–1980

Заместитель директора Всесоюзного научно-исследовательского института природных газов (ВНИИГАЗ)

1980–1989

Директор Бутовского комбината стройматериалов

1989–1990

Президентом концерна БУТЭК

1989–1992

Народный депутат СССР

1989–1990

Член Совета Союза Верховного Совета (ВС) СССР, секретарь Комитета по строительству и архитектуре

ров, в том числе передавая опыт перехода на аренду.

Готовя документы, я познакомился со многими крупными руководителями Госплана СССР, ЦК КПСС. Курировал нас по партийной линии зав. Экономического отдела ЦК В. Можин. Но особенно тесно я работал с его заместителем, доктором экономических наук Милюковым Анатолием Илларионовичем. Блестящий экономист и действительно уникальный, деловой человек.

В пакете документов по концерну чрезвычайно большое место занимал банковский блок. Утверждение шло тяжело. Готовить документы начинал Антонов, но потом появился Юрий Агапов. Он был и организатор банка. Честно сказать, я даже не помню, как Юрий появился.

Впервые мы пробивали постановление правительства СССР о предоставлении негосударственному банку внешнеэкономической лицензии. Банк должен был обеспечить комплексное банковское обслуживание участников концерна БУТЭК. Я потратил колоссальные усилия для доказательства премьеру Рыжкову и министру финансов Павлову необходимости подписания всех документов.

Особенно тяжело было с Валентином Павловым. Хотя я уверен, что это был самый крупный финансист за последние годы. Он совершенно справедливо полагал, что наши нововведения — угроза для централизованной системы народного хозяйства, убежденным сторонником которой он являлся. Поэтому он первым делом вычеркнул все упоминания о финансовой деятельности концерна и отказался визировать общий документ.

Были проведены десятки встреч. Я подключал всех, включая секретарей Московского областного комитета КПСС (Бутово тогда было подмосковным). Несколько раз я встречался с первым секретарем МК КПСС Гришиным. Пару раз к Павлову я брал и Агапова для того, чтобы он аргументировал необходимость внешнеэкономической деятельности финансового органа концерна.

В марте 1989 г. был создан Кредо-банк.

25 января 1990 года было подписано постановление по БУТЭК. Валютную лицензию банку выдали в мае. После этого Агапов про нас забыл. При регистрации, надеясь на его честность и порядочность, я не посчитал нуж-

1990–1993

Народный депутат РСФСР

1990–1991

Председатель Высшего экономического Совета (ВЭС) при Верховном Совете России

С октября 1991

Президент концерна БУТЭК

С ноября 1991

Одновременно президент концерна «Руссо-Балт Вест»

1992

Президент Международного Русского клуба

1993–2004

Директор Центра стратегических исследований

2004 — наст. время

Генеральный директор ТД «Согласие-Альянс»

ным сделать банк юридически зависимым от концерна. Кстати, об этом я не думал вообще, иначе было бы логично получить хотя бы по 5% акций в каждом вступившем в концерн предприятии. Никто бы не отказал!

Кредо-банк стал стремительно развиваться, и у Агапова началось головокружение от успехов. Вспоминать о том, что Кредо-банк предполагалось сделать центральным банком концерна, он уже не хотел.

По итогам этого эксперимента меня выдвинули на соискание Государственной премии 1990 года, опубликовали об этом информацию в газете «Известия». В нашем списке было 7 человек, в том числе секретарь московского областного комитета КПСС. Но на последнем этапе кто-то вкатил нашей группе черный шар, и мы не вошли в окончательный список. Думаю, что это был Павел Бунич (ныне покойный). Он возглавлял Ассоциацию арендных предприятий, хотя никогда не имел никакого отношения к аренде! Что не помешало ему получить один орден из рук Горбачева, другой — из рук Ельцина. Между прочим, за аренду! Входил он и в комиссию по госпремиям. Кстати, также не дали мне и звание Героя Соцтруда, т. к. в 1991 году СССР распался.

Сам же концерн был фактически ликвидирован реформами Гайдара. Были отменены постановления, принятые в СССР.

Из символа перестройки в ее трибуна

В 1988 году Бутовский комбинат территориально отошел к Москве. И я, депутат Ленинского райсовета Московской области, автоматически стал народным депутатом Советского района Москвы. Перешел вместе с «электоратом».

На фоне моих производственных будней 26 марта 1989 состоялись первые выборы на альтернативной основе в народные депутаты СССР. Против меня выдвигались два партийных авторитета, хозяйственных руководителя: один — член горкома партии, академик, другой — член райкома из ВПК. В итоге я набрал 72% голосов.

28 мая начал свою работу Первый съезд народных депутатов СССР, явившийся поистине катализатором политического самосознания всего населения СССР. Разумеется, тогда советский народ, наблюдавший ход съезда «вживую» благодаря прямой трансляции, почувствовал необыкновенный душевный подъем. Говорили, что даже кривая самоубийств поползла вниз. Все мы моментально стали «всесоюзно» известны.

Ельцин стал членом Верховного Совета. После голосования он не набрал голосов и не вошел в состав Верховного Совета СССР.

Межрегиональная депутатская группа (МДГ) уже была практически сформирована. Она и помогла буквально впахнуть Ельцина, как говорится, в последний вагон уходящего поезда.

М. А. Бочаров

Я входил в состав координационного совета МДГ, то есть в руководящее ядро группы. Хотя она формировалась несколько позже, но уже практически все те люди, которые были избраны народными депутатами СССР, порядка 350 человек, уже были определены перед началом Первого съезда народных депутатов.

На первом этапе лидерами МДГ были Попов, Афанасьев, я, Полторанин, Мурашов, Стадник.

Вернемся к съезду. Ельцин становился безработным. Ибо, будучи избранным депутатом СССР, после регистрации автоматически увольнялся с работы в Госстрое СССР. И потом возможности просто народного депутата и члена Верховного Совета — разные. Тогда Гавриил Попов, я и некоторые другие начали обрабатывать депутата из Омска Казанника, чтобы он уступил свое место Борису Николаевичу. И тот поднялся на трибуну и сказал, что он уступает свое место в Верховном Совете Борису Ельцину. Учитывая, что он строитель, последнее время работал в Госстрое, его избрали членом Комитета по строительству и архитектуре, а потом председателем комитета. Меня избрали секретарем этого комитета. Фактически секретарь — это первый заместитель председателя. В отсутствие Ельцина участвовал в заседаниях Президиума Верховного Совета, так как все председатели комитетов входили в состав Президиума Верховного Совета СССР. Таким образом, мы волей случая оказались в одной упряжке. Соответственно все дальнейшие действия политического характера происходили в Комитете по строительству и архитектуре, в основном в моем кабинете и в небольшом зальчике, где мы собирались. Из второстепенного комитета он стал политическим центром, кухней межрегиональной группы. То есть уже в то время сформировался своего рода мозговой центр.

Чуть позже пригласили в МДГ Сахарова. Я сейчас боюсь утверждать, чья эта была идея, может, и моя. Но суть не в этом. Нам нужно было знамя, человек с именем. Сахаров стал у нас в межрегиональной группе членом координационного совета. У меня с ним сложились очень хорошие отношения. Вплоть до того, что когда избирали премьера СССР, Андрей Дмитриевич сказал Горбачеву, что единственный человек, который сейчас может стать им, — это Бочаров!

Заседания координационного совета часто вели Попов, Афанасьев, иногда я. Аркадий Мурашев был координатором. Собирал нас. Мы многое тогда решали. Если коротко — разрабатывали сценарии подготовки и проведения Президиума Верховного Совета, в целом заседаний Верховного Совета, съездов народных депутатов. Пытались влиять на политику государства. Хотели, чтобы Советы действительно стали властью, а не фиговым листочком. Хотели, чтобы люди лучше жили.

То есть цели тогда ставились благородные. Политбюро ЦК КПСС было уже не то, влияние и авторитет его падали, как и партии в целом. Реформирование экономики шло очень медленно. Все явственнее шло падение ВВП, снижался уровень жизни людей. Мы пытались влиять на ситуа-

цию через решения съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета. Принимали участие в формировании правительства.

Мы наивно тогда думали, что многое можем сделать. Но я лично занимался не политическими, а чисто экономическими вопросами. Встречался с Николаем Ивановичем Рыжковым, с его заместителями, министрами. Мы рассматривали несколько крупных вопросов на комитете.

Скажем, очень серьезный вопрос, который фактически был прелюдией к отставке Силаева с должности заместителя председателя Совета министров СССР по проекту «Елабуга». К нам в комитет приехала делегация из Набережных Челнов. Ельцин с ними поговорил и направил ко мне. Я ознакомился с документами, и мы принимаем решение: провести совещание по проекту «Елабуга» с участием ряда министерств и ведомств. И приглашаем 14 или 15 руководителей союзного уровня. По итогам совещания делается вывод, что главный виновник замораживания строительства комплекса машиностроительных заводов в Набережных Челнах — заместитель председателя Совмина СССР по машиностроительному комплексу Иван Степанович Силаев. Именно он подписал пакет документов по этому строительству без должной экспертизы.

Напомню, в Совмине лежали и не подписывались мои документы по концерну БУТЭК. Из 12 листов Павлов не принимал один лист, связанный с банком. Я решил воспользоваться ситуацией! Говорю Рыжкову: «Николай Иванович, сейчас мы рассматривали вопрос по Силаеву. По его милости в землю закопано миллиард с лишним долларов, это уголовное дело. Комитет Верховного Совета вынужден будет подать документы в Генеральную прокуратуру по вашему заместителю! А значит и по правительству!» После этого проблема с банком была решена.

А мне сказал, что Силаева отправит в отставку. Силаеву уже тогда было под 70. Постановление вышло 25 января 1990 года.

В декабре 1990 года я предложил лично Горбачеву, Ельцину, Назарбаеву, Акаеву и другим руководителям республик СССР свою концепцию политического и экономического устройства нового Союза. Я назвал его ССР — Союз суверенных республик, многое взяв из программы деятельности ЕЭС, с системой единой таможи, единой валюты, системой управления, резким изменением проблем централизации.

Несколько раньше, в 89-м году, я начал заниматься проблемами собственности Советской армии за рубежом. Мне никто этого не поручал и не давал заданий, меня лично это интересовало, я понимал, что это колоссальные ресурсы, это безопасность и это геополитика. Только в Прибалтике мы насчитали собственности на 120 млрд долларов! Все сооружения, порты, аэродромы, дороги должны были остаться за Россией, а земля под ними остаться во владении прибалтийских республик. Совместную эксплуатацию организовать, как акционерное общество с разделением долей — 50 на 50. Кстати, руководство республик соглашалось на это.

По этому вопросу я встречался с Пуго, председателем КГБ Крючковым, министром обороны Язовым, начальником Генерального штаба Моисе-

М. А. Бочаров

евым. В результате я получил согласие на создание структуры по реализации собственности СССР за рубежом. Руководители Прибалтики готовы были решать вопросы. 4 или 5 августа 1991 года я переговорил с Пуго. Тогда же с Крючковым. Последний, с кем я согласовывал вопрос, был Лукьянов — 14 августа. Анатолий Иванович мне говорит: «Ситуация сложная, но вот 19 прилетит Михаил Сергеевич и подпишем все твои документы!» Более того, я звонил в Форос Медведеву и тот мне подтверждал, что Горбачев 19 августа будет в Москве.

В это время я вынужден был срочно уехать в Австрию — попал в аварию мой сын. Кстати, помогли мне в лечении два человека. Один из них Акимов, ныне он президент Газпромбанка, тогда он возглавлял в Вене Совзагранбанк. Второй — его правая рука Медведев, сейчас он возглавляет Зарубежгаз. Блестящие банкиры, в то время еще совсем молодые ребята. Я им до сих пор очень благодарен.

И в Вене я вижу по телевизору, как по Москве идут танки. Я понимаю, что ничего подписано не будет! Ребята помогли мне вылететь в Москву. В аэропорту Вены я дал интервью и улетел, не зная, арестуют меня в Шереметьеве или нет. Это было, кажется 21 августа.

А страна, не реализовав проект, потеряла сотни миллиардов долларов! В то же время я познакомился с Гусинским. И подружился с ним, когда он еще не стал олигархом. Владимир тогда был в одной команде с Борисом Хаитом и Клишиным. Хаит ныне возглавляет страховую компанию «Спасские ворота», а Клишин компанию «Клишин и партнеръ». В начале они занимались строительством во Владимирской области, т. к. у Клишина отец там был, по-моему, прокурором области. Хаит занимался торговлей. Я был свидетелем создания «Мост-банка». Помню их первое крохотное помещение на Калужской. Именно Гусинский, лично, выстраивал всю стратегию развития банка и холдинга, которая принесет в дальнейшем успех группе «Мост».

Не уходить из Высшего экономического Совета и вообще из власти меня убеждал Гусинский. Он очень дальновидный человек! Все, что он создавал с нуля: НТВ, «Эхо Москвы», журнал «Итоги» и т. д., было чрезвычайно перспективно и достойно.

Я знал многих бизнесменов и могу судить о них не по рассказам. И среди них, безусловно, выделяю Гусинского.

Кстати, у него в офисе (в бывшем здании СЭВ) он познакомил меня и с Ходорковским. Гусинский не пил вообще. А с Ходорковским по одной рюмке прекрасного коньяка мы выпили.

Ельцинская загогулина как одно из воплощений благодарности

Второй раз я протянул руку помощи Ельцину, когда он избирался председателем Верховного Совета России. Если бы не я, ему бы никогда не быть тем, кем он стал. Мой авторитет среди депутатов России был достаточно высок, и я мог на многих оказывать влияние.

В результате 29 мая 1990 года, после напряженной борьбы, Ельцин был избран председателем ВС РСФСР 535 голосами. Кворум решения — 532 голоса.

— Вы были председателем мандатной комиссии, когда Ельцина избирали председателем Верховного Совета?

— Нет, я не был председателем мандатной комиссии, но мой авторитет среди депутатов России был достаточно высок, и я мог на многих оказывать влияние.

— В частности, говорят, в урну для голосования было опущено семь лишних бюллетеней, а он прошел только тремя...

— Об этом вопросе за давностью событий говорить не будем.

— Но сам факт был?

— Я не отрицаю и не подтверждаю его. Но повторяю, я действительно много сделал, чтобы Борис Николаевич стал председателем Верховного Совета.

Виктор Андриянов, Александр Черняк.
Одинокий царь в Кремле. — М.: газета «Правда». 1999.

Узким кругом — Ельцин, я, Попов, Афанасьев, Травкин — регулярно собирались и определяли направление дальнейшей деятельности, и, конечно, обсуждали кадровые проблемы. И Борис Николаевич как-то дома у себя тоже, конечно, в узком кругу, я не буду всех перечислять, кто был, это не имеет значения, дал клятвенное обещание, что я буду премьер-министром. Его поддержали и те товарищи, которые были там. Это же, позже, Борис Николаевич повторял публично, когда принимал шахтеров Воркуты, Кузбасса, делегацию Чечено-Ингушетии. Представляя как будущего премьер-министра, он попросил меня решить их проблемы.

Во время выборов премьер-министра 15 июня 1990 года Верховному Совету РСФСР группами и фракциями был предложен список из 11 кандидатов, в котором была и моя фамилия. При этом я самолично сделал список из трех кандидатов, учитывая, что мне Ельцин поручил формировать это правительство, включив туда Силаева. Вписал как самого слабого руководителя и, естественно, слабого конкурента, непроходящую фигуру. Он уже был снят с работы заместителя председателя Совета министров России. Я вписал туда же Юрия Рыжова, академика, ректора МАИ, который потом был послом во Франции.

Ельцин каждый день интересовался, как идет формирование кабинета. Когда он увидел фамилию Силаева, то спросил у меня: «Почему вы предложили этого бездельника, а не Воронина — тоже зампреда союзного правительства?» Отвечаю: «Силаев самый слабый конкурент, а Воронин — сильный. Толковый мужик, намного сильнее Силаева. Значит, он более проходная фигура, а раз мы с вами приняли решение, что премьером иду я, то, естественно, надо подбирать кандидатуры, кото-

М. А. Бочаров

рые бы не составили мне серьезной конкуренции». Надо вещи называть своими именами.

Ельцин согласился с моими доводами. По разработанному нами сценарию Рыжов снимает свою кандидатуру. Остаются двое — Бочаров и Силаев. Борис Николаевич тогда же пообещал мне перед окончательным выходом на голосование выступить, поддержать мою кандидатуру и высказать критические замечания в адрес Силаева. Скажем, рассказать о строительстве завода в Елабуге, о других программах, которые курировал и завалил Силаев. Компромат был существенным.

Накануне выборов Борис Николаевич встретился с Горбачевым, и тот не поддержал мою кандидатуру на пост премьера, дескать, Бочаров всего-навсего директор кирпичного завода, рано его ставить премьером. Ельцин прекрасно знал, что я никогда не был директором кирпичного завода, а до этого работал заместителем генерального директора Норильскгазпрома, заместителем директора ВНИИгаза, потом возрождал крупный в отрасли Бутовский комбинат стройматериалов, который гремел на всю страну и где продукция кирпичного завода занимала лишь 15 процентов в общем объеме. Кроме кирпичного в комбинат входили два завода химических, по производству жидкого стекла и по производству пенопласта. Оба завода — первой категории. Категорийность определялась объемами производства. И хотя, повторяю, Ельцин знал об этом, он согласился с Горбачевым, правда, ничего не сказал мне об их договоренности.

После первого тура мы оба не набрали нужного количества голосов. Силаев набрал на пять или шесть голосов больше меня. В перерыве Борис Николаевич пригласил меня и предложил идти к Силаеву первым заместителем премьера. Я вежливо ответил ему, что к Силаеву я не пойду ни первым, ни вторым замом, ни министром вообще, в состав его правительства не войду. На мой взгляд, это абсолютно бездарная личность, говорю я Ельцину, и то, что мы с вами намечали сделать по оздоровлению экономики России, Силаев сделать не сможет. Поэтому я не хочу вообще в этом участвовать. Договорились, что Борис Николаевич после избрания Силаева премьером на съезде народных депутатов поставит вопрос о создании Высшего экономического Совета, который возглавлю я. Так оно и произошло. Первый съезд народных депутатов РСФСР утвердил кандидатуру Силаева (18 июня 1990), а мне предложил сформировать и возглавить Высший экономический Совет России при Президиуме Верховного Совета РСФСР.

Функции ВЭС были таковы: разработка крупных перспективных экономических программ, разработка внешнеэкономической деятельности, подготовка крупных договоров с Западом, программы по возрождению сельского хозяйства России, решение продовольственной проблемы. Словом, широкий простор для действий. Но я убежден: как и моя программа, так и ВЭС не по нутру были некоторым западным, да и нашим политикам. Не того они хотели, не сильная Россия им нужна была. Наоборот, ослабленная до крайности.

Шли недели, месяцы, но Высший экономический Совет не формировался и не функционировал. Спустя месяца четыре, в конце ноября 1990 года, я вынужден был дать интервью газете «Труд» и рассказать о волынке с ВЭСом, игнорировании решений съезда. Практически назвав виновником Ельцина. Газета попала ему на стол. После этого он меня вызвал и, ничего не говоря, потребовал штатное расписание и молча подписал его. Очень небольшой совет, порядка двадцати человек. Мы начали готовить материалы. Брали крупные проблемы, разрабатывали программы. К сожалению, все уходило в песок. Борис Николаевич практически не стал меня принимать, и я общался с ним с помощью бумаг. Но ответ получал далеко не всегда. Чем дальше, тем все больше и больше мы отдалялись друг от друга. А были ведь близки. Вот дарственная на его первой книжке: «Соратнику, единомышленнику. Благие пожелания в решении проблем России».

Я думаю, что еще когда он мне обещал премьерство, он уже прекрасно осознавал, что мы не уживемся, он видел мою определенную самостоятельность в решении проблем. Он самостоятельности подчиненных абсолютно не выносил. Это раз.

Во-вторых, когда я формировал кабинет, я подобрал и силовых министров, это ему не понравилось. Он хотел видеть вокруг себя преданных лично ему, беспрекословно исполняющих его волю. Меня он к таким не относил. Позже я узнал, что перед голосованием к Ельцину пришла группа генералов с претензией, что один демократ уже возглавляет Верховный Совет (Ельцин), а другой хочет стать премьером (то есть я). И Ельцин, как рассказал мне один из участников встречи, их успокоил: «Вот и сделайте все возможное, чтобы Бочаров не был премьером!» Зная характер Бориса Николаевича, можно предположить, что Иван Степанович Силаев понравился Ельцину уже тем, что у него плохие отношения с Рыжковым и что он во всем будет его слушаться.

Словом, не сошлись характерами. В конце концов Борис Николаевич переподчинил меня заместителю председателя Верховного Совета, то есть я стал подчиненным Хасбулатова. Ради дела я смирился и продолжал разработку экономических программ. Но ни одно предложение не было Ельциным рассмотрено. 17 мая 1991 я представил Высшему экономическому Совету ВС РСФСР программу «Возрождение». Она делала акцент на расширение прав трудовых коллективов по распоряжению продукцией и прибылью предприятия. В ней было все расписано по налогам, социальным проблемам, зарплате. При очень больших полномочиях, при личном подборе Кабинета министров без вмешательства кого бы то ни было я готов был выполнить эту программу.

Тогда меня вообще больше всего интересовали вопросы налогов и социальной помощи населению. Он или их не читал, или просто поручал помощникам без его подписи переправлять тому же Силаеву.

Непосредственно перед отставкой 29 сентября я собрал в ВЭС председателей старательских артелей и управляющих золотодобывающими

М. А. Бочаров

объединениями России (около 400 человек) и предложил им создать акционерное общество золотопромышленников и золотую биржу. В организации этого очень нужного дела принимал участие и депутат Скрипченко. Результат от Ельцина и правительства был нулевым!

Мы разработали программу по развитию сельского хозяйства, фермерства. Я буквально настоял на встрече Бориса Николаевича с фермерами, он согласился, но тут же вызвал Силаева, дал ему поручение. Мы сделали на память фотографии Ельцина и Силаева с фермерами, и все программы на этом закончились. А там ведь были предложения по обеспечению фермеров автотракторной техникой в счет техники, которая находилась в Прибалтике и в целом в армии. Десятки тысяч единиц тракторов, грузовиков из резервов СССР. В Прибалтике в случае времени «Ч» разворачивался Северо-Западный фронт. То есть для нескольких армий была завезена техника, созданы инженерные коммуникации. Все это потом разграбили отцы-командиры и продали... Так же и с Германией.

Таким образом, обещания оказать помощь фермерам, я уже не говорю про шахтеров и других, остались пустыми словами. Повторяю, ни одно мое предложение Ельциным и, соответственно, премьером не было принято. Я вообще не мог попасть к Борису Николаевичу в течение трех или четырех месяцев. И даже когда написал заявление об отставке, с большим трудом попал к нему.

Заместителем своим я сделал депутата из Омска Исправникова. Ранее он остался без работы, не попав в Верховный Совет. Однако в одну из моих командировок, в начале 1991 года, этот господин написал служебную записку Ельцину. В ней он поведал, что Бочаров занимается личными делами, что он абсолютно бездарный человек и его надо немедленно увольнять! Ельцин поручил своему помощнику Илюшину разобраться. Виктор Васильевич отдал мне это письмо на память.

В октябре 1991 года я подал прошение об отставке в связи с тем, что считал бессмысленным свое нахождение в течение 1989, 1990 и 1991 годов во властных структурах. Поставил только одно условие: не задавать мне никаких вопросов и уволить как можно быстрее. Ельцин косо посмотрел на меня, позвонил Хасбулатову с просьбой выполнить мою просьбу. Тот взял под козырек, собрал Президиум Верховного Совета, зачитал мое заявление, и меня без комментариев отправили в отставку по собственному желанию. Так, я первым ушел из команды Ельцина. Сам, без каких-либо понуждений покинул Олимп власти. Хорошо ли это, плохо ли — это уже дело истории, но работать с Борисом Николаевичем в те времена было практически невозможно.

В дальнейшем менялась у него команда непрерывно, так же как менял он ее в горкоме партии. Такой вот стиль. Он не понимал, что происходит в стране. Его это даже не интересовало.

Кстати после меня председателем ВЭС сделали Исправникова, так что он своего добился. Перед разгоном Верховного Совета он даже стал заместителем Хасбулатова, которого подсадить уже не успел.

23 мая претендент на пост российского президента Владимир Жириновский в качестве кандидата на пост премьер-министра назвал Михаила Бочарова, который, как и Иван Силаев, имеет свою экономическую программу под названием «Возрождение». Ее он представил Высшему экономическому Совету ВС РСФСР 17 мая.

«Коммерсантъ» (Москва). 20.05.1991.

Первое правительство независимой России было обречено на короткое и бесславное существование. После того как распался СССР, выяснилось, что российский кабинет только и умеет, что бороться с союзными властями.

Не лучше был и сменивший его Гайдар. Что касается Егора Тимуровича, то ставьте вместо него любого, даже самого маленького директора — он будет лучше. Либерализация цен стала полным обиранием, лишением покупательской способности отдельного человека и предприятий в целом. Нельзя было брать курс на выравнивание цен в соответствии с мировыми стандартами, не поднимая до мирового уровня зарплату. В результате этих реформ некомпетентное высшее руководство довело страну до полного хаоса.

После ухода из ВЭС я вернулся в БУТЭК, параллельно став президентом состоящего из 8 компаний концерна «Руссо-Балт Вест», занимающегося проблемами, связанными с использованием имущества армии в Прибалтике.

Однако большая часть предприятий концерна с распадом Союза оказалась за пределами России. Работать стало неинтересно.

В предприятие «Концерн БУТЭК» входило 88 строительно-монтажных, 156 производственных и научно-производственных предприятий и около 180 непроизводственных предприятий. Однако в это время «Концерн БУТЭК» не владел их основными фондами и был консультационно-управленческой фирмой, созданной на паях.

Нашему поколению досталось прожить несколько жизней: в период Советского Союза и его развала, в период так называемой суверенизации бывших республик СССР и российского реформирования. Мы хотели удержать и укрепить страну, а стали свидетелями разрушения государства и его экономики, разрушения моральных устоев и ранее понятных всем общечеловеческих принципов.

Теперь наша задача вернуть потерянное.